

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОУЧЕНКА ПРОЗЫ А. П. ЧЕХОВА В ЕЕ РАЗВИТИИ

ПРОГРАММА СПЕЦИУРА ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА IV КУРСА

Уфа, 2002

Печатается по решению кафедры русской литературы и фольклора
БашГУ. Протокол № 2 от 20.02.2002.

Составитель: д-р.филол.н., проф. **Назирова Р.Г.**

1. Литературная ситуация в России начала 80-х годов XIX века и непосредственные историко-литературные предпосылки творчества Чехова.

Кульминация народнического движения. Революционный террор и конституционная альтернатива; тактический блок царизма с либералами (проект конституции Лорис-Меликова). Убийство Александра II, казнь первомайцев (1881) и разгром «Народной воли». Реакция 80-х годов. Развитие капитализма в России. Постепенный подъем рабочего движения. Притязания либерального народничества на ведущую роль в обществе. Первые марксистские организации.

Перелом в русской литературе. Смерть Писемского и Достоевского в начале 1881 года, смерть Тургенева в 1883 году; отказ Толстого от художественного творчества; закат Гончарова. Кризис эпичности. Салтыков-Щедрин об изжитости форм «старого семейного романа». Эпигонский характер поздней народнической прозы, развлекательность псевдореалистической беллетристики и натурализма П.Д. Боборыкина.

Лирический ренессанс в русской поэзии и прозе. Биполярность русской поэзии: скольжение в риторику у Надсона, импрессионизм и музыкальность Фета. Подъем «малых форм» в русской прозе, расцвет рассказа и новеллы. «Неоромантизм» В.М. Гаршина и В.Г. Короленко; дальнейшее развитие реалистического очерка, усиление роли документальной и социологической прозы.

Непосредственные предшественники Чехова. А.Ф. Писемский, его галерея русских социально-психологических типов, резкий социально-бытовой критицизм и объективная манера повествования. Н.С. Лесков, его новеллистические и очерковые циклы, его лиризм и ироническая «причудливость». Рассказы Гаршина «Встреча» и «Художник» как предвосхищение чеховской манеры.

Происхождение, семья и детские впечатления Чехова. Украинские влияния в южнорусской культурной провинции, своеобразии украинского юмора. Характер и увлечения юного Чехова. Роль классической гимназии в формировании его писательства: влияние интеллигентского культа Пушкина и Тургенева, школьно-поверхностное знакомство с античной классикой (см. её ироническое отражение в творчестве Чехова: «Ариадна», «Калхас» и т.п.). Отталкивание Чехова от культурных шаблонов.

Смех юного Чехова.

II. Дебют Чехова в литературе.

Обстоятельства литературного дебюта Чехова, вынужденность его многописания. Расцвет бытовой юмористики в русской печати того времени, её связь с реалистической традицией (Н.А. Неклюдов и др.). Своеобразие подцензурной журналистики, цензурные затруднения проблемного романа и повести, смещение центра тяжести на бытописание. Случайность и закономерность дебюта Чехова в юмористике. Специфика читательского восприятия малой журнальной прозы и её эфемерного бытия. Влияние журнальной среды и специфики восприятия малой прозы на раннее творчество Чехова.

Традиции макаронической поэзии И. Мятлева и сатиры Козьмы Пруткина в русской юмористике. Традиции русского паралитературного юмора – устных рассказов И.Ф. Горбунова, В.А. Андреева-Бурлака и др. Чеховская стилизация устной речи.

«Письмо к ученому соседу» (1880) – сатира на претенциозную обывательщину: речевой портрет помещика-обскуранта, апломб невежества. Мастерство комического афоризма.

Преобладающие жанры раннего творчества Чехова – юмореска, пародия, скетч, анекдот, комическая стилизация. Борьба начинающего писателя с литературными штампами и постепенная выработка собственных форм. Новеллистическая неожиданность концовок, общественная злободневность и обязательные элементы развлекательности. Рецепт ранней прозы Чехова: «Чем короче, тем лучше. Современность, идеяка, шарж...». Известная неглубокость в постановке творческих задач. Отталкивание Чехова от модной либеральной публицистики, её риторики и расхожей фразеологии.

Независимая позиция раннего Чехова в литературе, непочтительность к авторитетам, критическая свобода по отношению к классической традиции, стремление к обновлению литературных форм. Пародийная заостренность раннего творчества Чехова. Осмеяние штампов, банальных сюжетов, беллетристических мод. Пародирование индивидуальных стилей популярнейших писателей современности: Жюль Верна в «Летающих островах», Виктора Гюго в «Тысяча одной страсти», Достоевского в «Драма на охоте», Мора Йокаи в «Ненужной победе» и т.д. Пародирование целых жанров, например, полицейской или криминальной повести в «Шведской спичке».

Быстрое развитие юного писателя в кипучей культурной среде Москвы, его дружба с передовыми живописцами, актерами и музыкантами. Влияние университета и стихийного материализма естествоиспытателей на формирующееся мировоззрение Чехова.

III. Раннее творчество Чехова и перелом 1882/83 годов.

Внешняя «безобидность» чеховского юмора и непонимание его гражданской направленности в критике 80-х годов. Контраст между

жизнерадостным смехом молодого Чехова и «свирепым юмором» Щедрина. Отказ Чехова от обличительного пафоса и прямых оценок в пользу комической похвалы уродливых явлений (линия Гоголя). Сдержанность авторской иронии Чехова, стремление к полной иллюзии объективного письма, уклонение от социально-политической адресованности.

Проблема чеховского «индифферентизма». Ошибочность её рассмотрения вне исторического контекста. Отход русского общественного мнения в 80-е годы от сочувствия народническому террору, быстрое падение авторитета либеральных народников, младенческая стадия марксистской мысли в России. Принципиальное отрицание политики Л.Н. Толстым и его последователями, а также некоторыми попутными интеллигентскими движениями. Характерность отхода значительной части интеллигенции от активной политической деятельности, влияние успехов капиталистического прогресса и требование практичности; противоположное требование личного морального самосовершенствования.

Общенациональные и культурные интересы, идеи цивилизации и гуманизма как основа критической позиции Чехова. Сочетание высокой принципиальности с политическим «индифферентизмом».

Открытие Чеховым для литературы новой сферы жизни – «области житейских мелочей и случаев» (Б.М. Эйхенбаум). Переход в 1882/83 годах к более серьезной работе. Появление в 1883 рассказов «Толстый и тонкий», «Случай из служебной практики», «Смерть чиновника».

Спор Чехова со старым «филантропическим» гуманизмом Гоголя в «Смерти чиновника»: смерть главного персонажа от окрика генерала. Коллизия, восходящая к «Шинели», но интерпретированная у Чехова в полной противоположности с традицией «жаления» маленького человека или, по выражению Чехова, «угнетенных коллежских регистраторов». Значащая фамилия чеховского персонажа: Башмачкин – Макар Девушкин – Червяков.

Прославленные миниатюры 1884 года: «Орден», «Жалобная книга», «Хамелеон». Чеховские афоризмы и прозвища. Фабульная изобретательность Антоши Чехонте, эффектный лаконизм, выразительная деталь, характерный диалог. Контраст бытовой достоверности с гиперболизацией и шаржированием. Быстрый рост популярности Чехова при одновременном равнодушии критики.

«Унтер Пришибаев» (1885) как достоверное социально-бытовое свидетельство и как символ эпохи Александра III. Зарождение чеховской символики из сгущения социально-бытовой характерности: превращение выражений «унтер Пришибаева», «пришибевщина» в нарицательные.

Развитие и углубление общественной тематики Чехова на базе непрерывного художественного новаторства.

IV. Новаторство формы. Бесфабульные рассказы

Чеховский принцип сдержанности и его новаторская художественная сущность: отказ от прямой патетики и внешнего драматизма, сокрытие авторского пафоса в «подтексте». Мнение пушкиноведа А. Лежнева («Проза Пушкина») о зарождении «подтекста» у Пушкина как неосознанного последствия динамизации повествования и сжатия текста. Тонкая рассчитанность чеховского «подтекста». Ключевые намеки или подсказывающие детали, позволяющие прочесть скрытую мысль Чехова.

Замена внешнего драматизма серией внешне бессвязных случайностей, изобретение «нулевой концовки», в которой «ничего не происходит». Отсутствие события как неожиданное событие: трагизм неразрешимости исходной ситуации. Бессобытийность как парадоксальная форма трагического состояния.

«Ванька», «Анюта», «Тоска» (1886) классические образцы чеховского бесфабульного рассказа.

«Ванька» как трагическая пародия жанра рождественского рассказа, канонизированного Диккенсом. Письмо Ваньки Жукова – шедевр лирического юмора в форме самораскрытия персонажа (пересмысление одного из любимых приемов Достоевского). Трагическая судьба ребенка и невольный комизм приемов её выявления. Печальный юмор как средство подчеркнуть трагизм главной темы, неожиданность «нулевой концовки» в рассказе «Ванька».

«Анюта» как трагическая пародия рассказов о гризетках, канонизированных Альфредом де Мюссе и позднее Анри Мюрже в «Сценах из жизни богемы». Необычайная выпуклость самообмана и подлости прежнего «положительного героя» этой жанровой разновидности – молодого интеллектуала, студента, фальшивого покровителя русской гризетки.

«Тоска» - рассказ о бесчеловечности общества, полностью не замечающего горя одинокого извозчика: человек из народа – лишь часть городского пейзажа. Внутренний трагизм комического излияния души извозчиком своей лошади. Сближение Чехова с высокой тематикой русской классической литературы.

Жалоба извозчика Ионы своей лошади – вариант классического мотива: см. жалобу Санчо Пансы своему ослику, либо изображение каторжника, плачущего украдкой в обнимку с собакой («Записки из Мертвого дома»).

Выход из пределы юмористики и становление «серьезного» Чехова в 1885 – 1887 годах. Значение письма Д.В. Григоровича от 25 марта 1886 года. Усмотрение Чеховым драмы жизни в её бытовом течении (формулировка А. Скафтымова).

V. «Степь» - бесфабульная повесть с великим сюжетом.

Повесть «Степь» (1888) – произведение, знаменующее собой полную творческую зрелость Чехова и сложно сочетающее национально-философскую тему с социально-психологическим анализом. Эпичность «Степи» и гоголевская традиция: «Тарас Бульба» и «Мертвые души». Момент сознательного соперничества с Гоголем. Южнорусская степь – пейзаж и символ. Поэзия русского богатырства, острое чувство «неполноты» могучего пейзажа без могучего человека, «тоска земли» как идейный фон путешествия Егорушки.

Бесфабульность «Степи» и богатство её содержания. Изображение мира глазами ребенка, для которого при каждом обороте колеса происходит событие. Накопление опыта по мере встреч мальчика с характерными типами и переживание множества открытий: познание обиды, ненависти, страха и даже первой любви. Сюжетообразующее значение линии Егорушки. «Инициатический» смысл сюжета: пространственное движение как метафора душевного развития мальчика. Два главных открытия Егорушки: открытие грандиозного природного мира и параллельное открытие социального мира (угнетенного народа, бунтаря-одиночки Соломона, счастливого человека, красавицы-графини, миллионера Варламова и т.п.).

Персонажи составляют мозаику резко очерченных характеров, в которой выделяются антиподы: властелин степи, хищник Варламов, с лицом, постоянно выражающем сухость делового фанатизма, и чудак Соломон, единственный персонаж, презирающий Варламова. Стихийную и буйную силу воплощает возчик Дымов, от скуки обижаящий людей: «Скучно мне. Жизнь наша пропадающая, лютая!». Люди тоскуют вместе со степью, которая уподобление живому существу.

Особое значение пейзажа в «Степи»: изображение природы сквозь призму детского восприятия, боязливое преклонение перед её величием, восхищение, обаяние тайны. Символизация нереализованного величия России через образ тоскующей природы и сцепленность «ожидания богатыря» с душевным развитием наивного и чистого мальчика, как возможного героя будущего века.

Художественное новаторство повести «Степь». Элементы импрессионизма в пейзажной живописи Чехова, оценка пейзажей «Степи» И.И. Левитаном. Объективность, преникнутая авторским лиризмом. Сочетание гоголевской поэтичности с пушкинской стилевой

традицией: чистотой и прозрачностью языка, изяществом, точностью и целеустремленностью стиля. Исключение морализации и дидактики, красота здоровой детской психики. Автобиографический элемент повести.

«Степь» как предчувствие России будущих времен: оптимизм и загадка. Классическая гармония повести.

VI. Зрелое творчество Чехова.

Осознание писателем гражданской ответственности таланта и обращение к важным темам русской социально-исторической действительности. Стремление Чехова вникнуть в причины морально-психологической деградации русской интеллигенции. Активизация авторской позиции в рассказах 1888/89 годов: «Именины», «Скучная история» и др. Прямое осуждение пошлости привычного быта в рассказе «Припадок». Гаршинская тема в чеховском преломлении. Правда о проституции, замена гаршинской трагической фантастики («Надежда Николаевна») ничего не приукрашивающей «суровой жалостью» (определение Корнея Чуковского).

Чеховский принцип сдержанности и его проведение в жизни писателя: сокрытие мотивов своего поведения, пожертвований и материальной помощи в пользу крестьян, общественная активность в сочетании с гражданской скромностью. Поездка на Сахалин в 1890 году. Участие в помощи голодающим. Единство творческой и гражданской позиции Чехова, цельность его натуры, ненависть к фразе, риторике, недобросовестной пропаганде: см. его письмо к В.М. Лаврову от 10 апреля 1890 года.

Повесть «Дуэль» (1891) как отражение идейного климата эпохи: Ляевский – интеллигентская пассивность, которая «оправдывается» неприятием пошлого быта и сама адаптируется к нему; фон Корен – деловитая предприимчивость и энергия, культ «жизненной силы», граничащий с социальным дарвинизмом и вульгаризированным нищезанятием; обрамляющие фигуры – безразличная «теплота», мелкое приспособленчество, наконец – «наивный» гуманизм смешливого дьякона, наиболее близкий самому Чехову. Сложность выражения авторской позиции и связь повести «Дуэль» с полифоническим романом Достоевского. Возможное влияние Достоевского на чеховскую разработку диалогов, части которых разрастаются в философские монологи, хотя и поданные в непринужденно-бытовой форме.

Новое воплощение принципа сдержанности в открытом драматизме действия, причем драматические события разыгрываются в самом прозаическом быту (супружеская неверность) или изображаются подчеркнуто прозаично. Сцена дуэли, кульминация повести, вопреки

сюжетной традиции большой давности, не приводит к гибели одного из антагонистов, но срывается испуганным криком наивного наблюдателя. Этот неожиданный срыв сюжета напоминает подобный прием в сказке Андерсена «Новый наряд короля», где удивленный возглас ребенка уничтожает принимаемую всеми взрослыми условность. Уничтожение абсурда наивностью – сюжетный парадокс, воплотивший веру Чехова в разум, в возможность торжества простых ценностей жизни и добра над варварскими конфликтами цивилизации. Сдержанность оптимизма Чехова и несомненно просветленный финал «Дуэли». Радикальная переработка сюжетной традиции в духе нового гуманизма.

Нарастающая критика русской интеллигенции в зрелом творчестве Чехова. Осмеяние мешанского снобизма интеллигентной женщины в рассказе «Попрыгунья» (1892); культура как мода и вымирание любви в атмосфере погони за интеллектуальными модами. Враждебность буржуазии настоящему таланту. Образ врача-труженика Дымова – антитеза мешанскому снобизму. Смерть Дымова, убитого равнодушием любимой жены, – реминисценция смерти Базарова в «Отцах и детях» Тургенева. Связь «Попрыгуньи» с рассказом Гаршина «Художники». Горечь рассказа и черты Лики Мизиновой в образе Ольги Ивановны Дымовой. Использование в сюжете рассказа отдельных деталей романа И.И. Левитана с Кувшинниковой и ошибочность истолкования «Попрыгуньи» как отражения действительных событий. Глубокая проблемность этого «частного случая».

Бунт Чехова против интеллигентской пассивности в рассказе «Палата № 6» (1892). Соседство тюрьмы с психиатрической больницей как символ государственного устройства. Преломление традиционной фабулы о мудрости безумца (см., например, «Красный цветок» Гаршина) в образе больного Громова. Дискуссия между доктором Рагиным, проповедующим философию самоуглубления, и благородным безумцем, сторонником активной борьбы против насилия.

Эгоизм философии невмешательства: «лень, факирство, сонная одурь». Гибель доктора Рагина вследствие этой же самой философии по закону «равного мщения»: позднее осознание своей неправоты доктором, который заперт в ту же палату № 6 и подвергается избиениям со стороны сторожа Никиты, ещё недавно величавшего его «высокоблагородием».

Эффект непрерывного расширения смысла этой повести: критика порочной философии оказывается критикой целого общества, а в дальнейшем – критикой цивилизации вообще. Могучее воздействие «Палаты № 6» на читателей. Драматизм сюжета и строгость стиля. Н.С. Лесков и В.И. Ленин о «Палате № 6». Развитие мотивов чеховского рассказа в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Чеховское искусство раскрытия большого социально-философского содержания в простых житейских коллизиях и бытовых конфликтах. Укрупнение детали и выделение элементарного, но контекстуально выразительного слова и жеста. Чеховская символика. Новая организация художественного единства. Серия случаев вместо наглядной последовательности, сокрытие внутренней логики текста и задача её читательской реконструкции.

Поэтичность реализма Чехова при самой беспощадной правде, вызвавшей неприятие и отвращение декадентской литературы и эстетизирующей критики.

VII. Лирико-драматические рассказы Чехова.

Усложнение характеров и драматического конфликта в период усиливающегося обращения Чехова к драматургии. Появление лирико-драматических рассказов 90-х годов с их жанровым и интонационным богатством, тонким психологизмом и проникновенной лиричностью; сочетание подтекста с лирическими отступлениями.

«Анна на шее» (1895) – один из популярнейших лирико-драматических рассказов Чехова. Внешний сюжет: история светской карьеры бедной девушки, современной Золушки, но благодаря браку не с принцем, а с богатым старым чиновником. Внутренний сюжет: превращение честной девушки в продажную женщину. Постепенное развитие этой двуплановости. Повествовательная непредвзятость Чехова по отношению к героине, моделирующая непредсказуемость самой жизни, в которой могут поддаваться пороку и деградации первоначально неплохие люди. Музыкальность композиционной организации с помощью троекратного варьирующего повтора ключевой фразы: «Папочка, будет. Папочка не надо» - и т.п.

Изображение событий через восприятие Анны и тайная ирония Чехова, проявляющаяся только через подбор компрометирующих героине мелочей, например, её мысль об отце: «как он мил, когда трезв» - или её восприятие окружающего по преимуществу через обоняние, черта инфантильной чувственности и одновременно снобизма: «пахло светильным газом и солдатами» (о благотворительном бале); от фрака отца «пахло бензином». Прорыв подтекста в скобочной ремарке Чехова: «ей уже было стыдно, что у неё такой бедный, такой обыкновенный отец». Громкий успех Анны на балу – начало её падения. Кульминация рассказа – негодующе-презрительное обращение к мужу: «Подите прочь, болван» - пародия на королеву французской драмы с её знаменитым «Sortez!»

Закономерность падения Анны как следствие буржуазного брака. Трагическая внутренняя форма рассказа. Банальность фабулы;

исключительная оригинальность её подачи, тонко организованная автором подготовка читателя к нравственному неприятию карьеры Анны. Политическая заостренность рассказа против приукрашивания «светской жизни» в буржуазной беллетристике.

Параллелизм «Анны на шее» и двух рассказов того же 1895 года: «Супруга» и «Ариадна». Пошлость холодно-развращенной буржуазной дамы. Измельчание женских натур в буржуазном обществе, деградация аристократического «романа» и превращение его в мещанский адюльтер. Мизогиния Шамохина в «Ариадне», напоминающая героя «Крейцеровой сонаты» Толстого, но дискредитируемая осязаемой авторской иронией. Чехов о женском вопросе: «Я ставлю его на естественную почву». Скептицизм Чехова по отношению к эмансипанткам конца века. Легенда о женоненавистничестве Чехова.

«Дом с мезонином» (1896) как образец замаскированного морально-психологического анализа. Принципиальный характер спора Чехова с либеральным народничеством, его теорией «малых дел», его притязаниями на руководство обществом: гуманистический протест против морального диктата л ю б о й политической или социальной группы, против всякого духовного монополизма. Любовная коллизия как способ выявления идейного конфликта (традиция русского социально-психологического романа).

Сестры Волчаниновы - тургеневские девушки с переосмысленными ценностными акцентами: развенчание типа «общественной деятельницы» в Лиде, прославление «простушки» Жени (Мисюшь). Контраст филантропии Лиды и её семейного деспотизма, страха её собственной матери перед её бессердечной властью.

Сцена диктовки в кульминации «Дома с мезонином», докучливый многократный повтор одной и той же фразы как средство нагнетания «физического» отвращения читателя к фальши и безнадежной озлобленности мнимопрогрессивной Лиды. Её жестокое разрушение чужой любви как месть за непризнание её собственного превосходства.

Поэзия финала, ностальгия по утраченной молодости, превращение исчезнувшей Мисюшь в символ мечты о счастье.

Лирическая мечта чеховских героев о счастье и тайный оптимизм грустных финалов. Открытые финалы как символизация незавершенности сюжетных конфликтов, их продолжения «за текстом»: надежда на их решение в будущем. Соответствие таких композиционных решений чеховскому принципу «постановки, но не решения» социально-философских и общественных проблем силами искусства: трезвая оппозиция идеалистически-максималистскому

притязанию Гоголя на изменение мира магией искусства и художественной проповеди.

Чеховская трилогия конца 90-х годов: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви». Осмеяние благоразумия, дискредитация стремления к затишью порядка, осмеяние страха перед переменами. Боязнь перемен – опора социального зла. Чеховский символ «футляра» – заукливания буржуазной личности в последовательно уменьшающихся добровольных темницах. Усиление прямого лиризма и даже определенной призывности в рассказах «трилогии», устремленность Чехова к изменению жизни, открытая гражданственность и смелость. Чехов как враг застоя, мещанского благоразумия и ложной добродетели – рабского безволия и самопринуждения

VIII. Вершины мастерства.

Тонкость психологического анализа зрелого Чехова при завуалированности авторской оценки. Рассказ «Ионыч» (1898) – история медленной гибели изначально нормальной человеческой личности. Вульгарность шаблонной трактовки рассказа как «разоблачения» мещанства и представления доктора Старцева жертвой среды.

Исходная характеристика доктора Старцева: «музыкальные цитаты», здоровая жажда жизни, способность любить и делать «глупости». Молодой Старцев способен вызвать сочувствие. Непрочность внутреннего стержня, личных убеждений, некоторая интеллигентская «всеядность»: хорошо бы жениться на красивой Кате – «А приданого они дадут, должно быть, немало» (любовь – хороша, деньги – тоже). Неудача в любви – первопричина морального крушения Старцева.

Обыгрывание пушкинской сюжетно-композиционной схемы «любовного несовпадения» между героями. Несостоятельность артистических притязаний Кати Туркиной и оправданность её попытки «ухода», разрыва с обывательской средой; последовавшая неудача и капитуляция Кати перед семьей и требованиями своего круга. Исчезновение поэтичности в Старцеве, бравоирование «медицинской» грубостью, прогрессия его эгоизма под влиянием неудачи в любви. Вражда Старцева к окружающей мещанской среде, попытка достичь свободы чисто буржуазным путем – через материальную обеспеченность. Эгоистическое одиночество, которое он создал и поддерживает при помощи денег. Разрыв всех человеческих связей, инерция обогащения и гибель личности, которая выражается в издевательском оплевании памяти своей любви («Это вы про каких Туркиных? Про тех, у которых дочь на фортепьянах играет?»). Материальный успех Ионыча как его внутреннее поражение.

Добровольная самоизоляция как вина и как источник его жизненной драмы.

Автобиографические элементы рассказа (отношение Чехова и Лики Мизиновой) и их радикальная творческая переработка. Элегическая тональность рассказа «Июныч», выражающая сожаление автора о погибших и погибающих людях, печаль о хрупкости человеческих связей и ненадежности обетований счастья, «трагизм мелочей жизни» (выражение Горького).

«Душечка» (1898, опубликовано 1899) – один из лирических шедевров Чехова, образец «нежной насмешки», уникального двойственного отношения, присущего, может быть, только Чехову. Пародирование мифа о Психее, старого романа Лафонтена на тему этого мифа, творческое освоение и использование шуточной поэмы Ипполита Богдановича «Душенька» (1788), представляющей собой вольное преломление романа Лафонтена. Провербиальность цитаты из «Душеньки» в русском культурном обиходе: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша». Возникновение слова-символа в прозаическом тексте, иронический контраст прямого и переносного смысла слова: «И когда он (Кукин) увидел как следует и шею, и полные здоровые плечи, то всплеснул руками и проговорил: «Душечка!».

Биологическая наивность Оленьки Племянниковой, лишенной «памяти сердца», душевная бедность этой мещанской Психеи и одновременно неправомерность обременения её виной за эту бедность. Гуманность чеховского отношения к героине, принятая Львом Толстым за бессознательное прославление её.

Энтузиазм Толстого по поводу «Душечки» и его принципиальное неприятие собственно авторского смысла рассказа, стремление придать ему свое, толстовское истолкование (следствие неприятия Толстым цивилизованной женской личности вообще). Художественное очарование абсолютное совершенство рассказа, органичность слияния жалости, юмора и иронии. Превращение слова «душечка» в нарицательное. КЛАССИЧНОСТЬ зрелого Чехова – творца новых психологических моделей мирового значения.

«Дама с собачкой» (1899) – история превращения интеллигентного пошляка под влиянием любви в мыслящего и страдающего человека. Слияние сарказма и лирики, использование средств живописи и музыки. Особая роль цветовой гаммы рассказа: противопоставление белого в лазури (Крым, Анна Сергеевна) серости застойного русского быта (серый забор, серое сукно на полу гостиницы, серая от пыли чернильница). Символизация неожиданно открывающейся Гурову пошлости привычного московского быта: «осетрина с душиком».

Тонкость и изящество рассказа как выражение гумано-цивилизирующего смысла сюжета. Причины резкого неприятия «Дамы с

собачкой» Львом Толстым: борьба Чехова против косности и ограниченности патриархальной морали, «европеизированная» форма его гуманизма; подлинное уважение к женщине в отличие от толстовского прославления биологической «стихийной мудрости» женщины-матери и жены.

Парадоксальная хвала «Даме с собачкой» в письме А.М. Горького (январь 1900 года): «Знаете, что Вы делаете? Убиваете реализм...». Отличие чеховского реализма с его поэтически-музыкальным строем и естественной («непридуманной») символикой бытовых деталей или актуализированных штампов буржуазной культуры от реализма XIX века и от декадентской нарочитости, рекламной широковещательности, культурно-исторической перегруженности.

Снижение роли материального, чувственного начала в образности поэтического реализма Чехова; отведение этому началу служебной роли. Возвышение духовной красоты. Решение проблемы «несказуемости» тайного (ср. постулат невыразимости в лирике Ф.И. Тютчева) с помощью подтекста и музыки. Чехов как родоначальник реализма XX века.

IX. Завершение творческого пути Чехова.

Активизация гражданской поэзии позднего Чехова; разрыв с Сувориным, демонстративный отказ от звания почетного академика в ответ на кассацию избрания Горького лично Николаем II, возрастающий интерес писателя к симптомам приближающейся русской революции. Влияние этих изменений на творчество последних лет, в частности на драматургию.

Позорное решение Нобелевского комитета в 1902 году: несмотря на уже начавшуюся мировую славу Чехова, внесенного в список кандидатов, - присуждение Нобелевской премии по литературе немецкому историку. Теодору Моммзену «за художественное мастерство». Инстинктивное недоверие буржуазии к чеховскому гению.

Рассказ «Невеста» (1903) как поэтическое завещание Чехова. Символичность Нади Шуминой. Указание В.Б. Катаева на традиционную символику «невесты»; значимость имени «Надежда». Побудительная роль традиционного пропагандиста студента Саши в решении Нади об уходе из своей среды и разрыве с женихом. Важность темы «ухода» в творчестве Чехова (ср. «Ионыч», «Чайка» и др.). «Невеста» как первый и последний вариант счастливого завершения «ухода». Быстрое развитие Нади, перерастающей своего учителя Сашу. Представление о народническом идеализме как об анахроничном,

старомодном явлении. Разрыв с мещанством, прощание с прошлым, триумф настоящего: Надя – «невеста будущего».

Замаскированность иронии в рассказе «Невеста». Первостепенное значение второстепенных деталей (уродливая картина в доме жениха и его почтительное отношение к этой нелепости как к з н а к у культуры, заменяющему саму культуру). «Невеста» как реквием по русской провинции: ср. финал «Вишневого сада». Неожиданно скептическая оговорка в последних строках рассказа, выражающая чисто чеховскую «осторожность» веры в будущее, умеренность его оптимизма.

Стоическое мужество Чехова при его расставании с жизнью. Благородство и высокая нравственная чистота его человеческого и писательского облика. Резонансы на смерть Чехова.

Х. Основные принципы чеховской прозы.

Художественное новаторство Чехова как выражение новой фазы гуманизма. Антибуржуазный пафос творчества Чехова, осознание архаизма русской самодержавно-бюрократической системы, устарелых социальных институтов, государственной церкви и казенной школы. Неверие Чехова в революцию как итог осмысления эпохи народнического террора, неверие в либеральное реформаторство и филантропию, неверие в искусственные религии и интеллектуальные моды. Отрицательная оценка толстовской философии и проповеди Толстого («деспотизм и генеральство мысли»). Насмешливое отрицание декаданса и раннего русского символизма. Широта чеховской критики.

Борьба писателя против всех иллюзий интеллигенции, защита политической и духовной свободы, прославление личности творческого типа. Трезвое предвидение сурового будущего, обусловленное угрозами милитаризма в конце XIX – начале XX века и всеобщими предчувствиями социальных катастроф. Размышления Чехова о возможной роли интеллигенции в этом неясном будущем. Сомнения Чехова и их обоснованность.

Высокая нравственная позиция Чехова под иронической маской элегантной сдержанности и печальной шутливости. Принципиальное нежелание навязывать свою точку зрения, отказ от готовых решений. Признание права каждой личности на свой собственный, пусть даже горький опыт.

Чеховская интеллигентность как попытка интеллектуализации современной общественной нравственности; уважение к человеку как необходимое продолжение самоуважения. Выявление этого нового гуманизма в новаторском искусстве Чехова, в частности в его сюжетосложении и повествовательной манере.

Эволюция формы «всезнающего автора» в прозе Чехова. «Всезнающий автор» как внешне бесстрастный свидетель: призыв Чехова не навязывать себя в герои собственного романа. Парадоксальная оценка творческой манеры Достоевского как «нескромной». Отказ Чехова от прямого самовыражения, проповеди и всякой идеализации, в том числе от идеализации народа. Опора на здравый смысл, расчет на интуицию читателя (уважение к читателю). Высоко эстетическая форма чеховского самовыражения: Музыка вместо проповеди.

Контраст между притворной легкостью чеховского повествования и беспощадностью выносимого им жизни приговора. Негодующий отзыв Льва Шестова о Чехов: «удивительное искусство одним прикосновением, даже дыханием, взглядом убивать все, чем живут и гордятся люди» («Творчество из ничего», 1905).

Озлобление Шестова против Чехова, который, по мнению критика, «только одно и делал: теми или иными способами убивал человеческие надежды...» («Начала и концы», 1908). Несправедливость нападок Шестова: см. выше о рассказах «Дама с собачкой», «Невеста» и других.

Прямое сопоставление чеховского слова с поэзией Пушкина: «Чехов – это Пушкин в прозе» (слова Льва Толстого). Провозглашение Чехова в западной критике нашего времени «Шекспиром XX века».

Слово Чехова как развитие и апофеоз пушкинско-тургеневской стилевой традиции. Окончательная кристаллизация классического русского языка в творчестве Чехова. Его друзья-соперники и эпигоны в области языкотворчества: И. Бунин, К. Паустовский, В. Катаев, Ю. Казаков и др.

Мировое влияние чеховского сюжета и повествовательной манеры: творчество Кэтрин Мэнсфилд, Эрскина Колдуэла, Эрнста Хамингуэя, Ясунари Кавабаты и многих других. «Римские рассказы» Альберто Моравиа как итальянский вариант чеховской манеры. Тиражирование и некоторая тривиализация этой манеры в творчестве Жоржа Сименона, награжденного слишком лестным прозвищем «французского Чехова». Проблема «Чехов и Шукшин».

Философская глубина бесфабульных форм Чехова с их внутренним трагизмом. Отказ от завершенности и закрытости как специфическое выражение не до конца определенной целеустремленности: необходимость изменения жизни даже в условиях непредсказуемости будущего и отсутствия ясных ориентиров; историческая относительность социально-политических программ и всякой однолинейно-категорической формы мышления; абсолютность жизни и человека.

Актуальность Чехова в наше время, гуманизирующая и социально мобилизующая роль его творчества.

Основная литература по спецкурсу.

1. В. Голубков. Мастерство Чехова. М., 1958.
2. И. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Чехова. М., 1958.
3. З. Паперный. Чехов. М., 1960.
4. В. Лакшин. Толстой и Чехов. М., 1968.
5. В. Эйхенбаум. О прозе. М., 1969.
6. И. Гурвич. Проза Чехова /Человек и действительность/, М., 1970.
7. Г. Бердников. Чехов. Идеиные и творческие искания. Л., 1970.
8. К. Чуковский. О Чехове. М., 1971.
9. А. Чудаков. Поэтика Чехова. М., 1971.
10. А. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
11. М. Семенова. Чехов-художник. М., 1976.
12. «Чехов и его время». Сб. ст. М., 1977.
13. В.Б. Катаев Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979.
14. Г. Бялый. Чехов и русский реализм. Л., 1981.

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

**Подписано в печать 21.05.2002 г. Формат 60x84/16.
Бумага типографская № 1. Компьютерный набор.
Отпечатано на ризографе. Поз.302. Тираж 200 экз. Заказ 316.**

*Редакционно-издательский центр Башкирского университета
Отпечатано на множительном участке Башкирского университета
450074. Уфа, ул.Фрунзе, 32. Тел.: (3472) 236-710*